
ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Александр Николаевич Островский родился в Москве 31 марта 1823 года...

Произнеся эту привычную фразу, биограф Островского должен перевести дух и задуматься. Сейчас взвешается занавес над его судьбой... Что рассказать о жизни великого драматурга, чем удовлетворить любопытство к нему читателя?

Всего полтора столетия прошло со дня его рождения и меньше ста лет со дня смерти*, а многое, что связано с его жизнью, литературным трудом, личным обиходом, близкими и друзьями, безвозвратно утеряно в беге времени. Есть годы и даже десятилетия (таковы, например, годы детства и юности), о которых почти нечего сказать: факты отрывочны и недостоверны, сведения случайны, документы безлики.

Островского-драматурга так часто бранили в повременной печати 1870—1880-х годов, что современники с опозданием догадались, что он — классик. Большинству и в голову не приходило записывать что-либо о своих встречах и разговорах с ним, а спохватились, когда было поздно: стали напрягать память, присочинять, выдумывать. Физиономия Островского плохо уловима из мемуаров, черты его расплываются.

Белокурый, стройный, хорошо пел — рисует его один из воспоминателей. Смолоду грузный, рыжеватый, рано облысевший, никогда не слышали его поющим — наставляет другой... Надо сводить эти свидетельства на очную ставку, выверять, просеивать.

Сам Островский мало помог своему биографу. Мы знаем писателей, всю жизнь создававших душевный автопорт-

* На 2024 год прошло два столетия со дня рождения и 138 лет со дня смерти. — *Примеч. ред.*

рет. Таков, например, Лев Толстой. Мы можем представить себе его детство по детству Николеньки Иртеньева, участие в Крымской войне — по «Севастопольским рассказам», его жизнь на Кавказе — по «Казакам», его духовные поиски зрелых лет — по судьбе Пьера Безухова, Левина и Нехлюдова. Толстой всю жизнь заглядывал внутрь себя, приоткрывая в творчестве тайники собственной души, бесстрашно вынося их содержимое на свет божий. А кроме того — какое море воспоминаний, писем, дневников, запечатлевших день за днем его великую жизнь!

Островский — драматург, а значит как художник обречен с самой объективной и безличной формой литературы: его герои — это вовсе не он сам, хотя бы и в пересозданном искусством виде. Чужие волнения, страдания, страсти. Ни слова о себе, о своих близких, о личном. Такова вообще участь драматического писателя. Что можно сказать о судьбе Шекспира или Лопе де Вега на основании их пьес? Островский приоткрывается нам в своих комедиях и драмах ничуть не больше, чем Шекспир в «Отелло» или «Макбете», а великий англичанин не зря принадлежит к числу загадочных лиц литературной истории.

Конечно, и в драматической форме автор иной раз не вытерпит и ударится в лиризм и хоть тенью, хоть уголышком изобразит себя; так тот же Толстой воплотит свою душевную драму в Сарынцове («И свет во тьме светит»), свою мечту об «уходе» — в Феде Протасове из «Живого трупа». Но даже таких «окошек» в автобиографию мы не найдем в драматическом творчестве Островского. В его пьесах есть благородные резонеры, но нет лиц, в которых мы узнали бы автора.

Да и составит ли интерес для читателей личная судьба человека, который не воевал, не дрался на дуэли, не путешествовал вокруг света, не блистал при дворе, не проматывался на рулетке, не памятен любовными приключениями, не заточался в острог, не отбывал ссылку... Домоседом прожил всю жизнь в Москве и только однажды в зрелые годы переменял квартиру: перебрался из Яузской части на Волхонку. Жизнь ровная, лишённая громких событий и, по видимости, малоинтересная...

Но может ли быть малоинтересной жизнь человека, который населил русскую сцену толпой живых лиц? Который прошел свой путь как *рыцарь театра*, безраздельно преданный одной этой страсти и ради нее готовый на любые испытания, на подвижнический, лишённый скорого вознаграждения труд?

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему...

Важно угадать в Островском этого пушкинского рыцаря, подвижника-терпеливца, всю жизнь самоотверженно работавшего для театра, боровшегося с рутинерами и чиновниками за великое русское искусство. Важно открыть внутреннее, духовное напряжение этой жизни, и тогда мы согласимся, что и эта судьба полна интереса и поучительна не менее иной судьбы, богатой круговоротом событий, страстей и перемен. Да и крутых поворотов в жизни Островского при внимательном взгляде окажется больше, чем поначалу думалось, и не таким уж домоседом он предстанет.

В его облике нет как будто ни капли возвышенного: спокойно сидит Островский в шубейке на беличьем меху, запечатленный точной кистью Перова, и только глаза его — голубые, умные и острые, отнюдь не самоуверенные, но выпытывающие, ненасытные, доверчивые и не дающие солгать, только эти детские глаза его — свидетели совершающейся в нем горячей внутренней жизни.

(Кабы не этот взгляд — можно б было, глядя на портрет, вообразить московский неподвижный быт, когда в деревянном домишке холодно и в теплой одежде сидят, чтобы руки-ноги не стыли, а где-то рядом кипит пузатый самовар и на беленой скатерти большие, в цветах, фарфоровые чайники, пироги, жамки и прочие соблазны Замоскворечья.)

Где же искать живого Островского? Дневники его хороши и живописны только ранние: это школа начинающего писателя. Но и там меньше всего о себе — больше о том, что видел, наблюдал в первых своих поездках за пределы родного дома: о природе, городах и реках, о нижегородском театре, о лицах костромских крестьян. О себе же ни полсловечка.

Драматурга упрекали в необъятном тщеславии — это ходячее мнение раздуть его недругами, разнесено молвой. Если судить по его писаниям, я не знаю человека скромнее, неприязнательнее в отношении себя, чем Островский. В его поведении нет и намека на величавую историческую поступь. Он никогда не гляделся в литературное зеркало, не стремился себя запечатлеть и показаться с выгодной стороны в глазах потомства. Не писал дневников и писем в расчете на посторонние глаза, просто не надеялся, что

они будут кому-нибудь интересны, кроме прямых адресатов. Большинство его писем малосодержательны — это простые извещения о событиях, жалобы на безденежье, волнения о распределении ролей в новых пьесах.

Он не любит себя со стороны, в нем много доверчивости и открытости, великого простодушия. И при огромном самобытном уме какая-то ребяческая непосредственность. Так дети великолепно схватывают мир в ярких рисунках, но вовсе не заняты самоизучением, анализом своего «я» — это попросту чуждо их натуре. Более чем кто-либо Островский имел право сказать: вся моя биография — в моих пьесах.

В 1879 году издатель «Русский старины» Михаил Семевский усердно подстрекал Островского к писанию мемуаров для своего журнала. Драматург отвечал ему:

«Я сам уже давно мечтаю, что “вот я буду писать свои воспоминания”, как это будет мне приятно, как это будет живо и правдиво, сколько нового я скажу... Но я знаю в то же время, что мечты мои так мечтами и останутся. Чтобы привести в порядок свои воспоминания и хоть только начать их как следует, нужны покой и досуг; а ничего этого у меня нет, не будет и быть не может!.. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обдeldываю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей, — так уж до воспоминаний ли тут!»¹

Может быть, оттого, что сам Островский мало радел о сохранении следов своей личной судьбы, беспечно отнеслось к этому и его ближайшее потомство. Исчезли безвозвратно многие рукописи, письма. Лишь в небольшой части дошла до нас переписка с С. Максимовым, И. Горбуновым. Почти полностью пропали его письма за многие годы к брату — М. Н. Островскому². Исчезла большая часть писем к Некрасову³. Все письма к Салтыкову-Щедрину. Сын драматурга С. А. Островский, уходя на Первую мировую войну, обещал биографу Аполлона Григорьева, В. Княжнину, передать ему по возвращении письма Григорьева к Островскому: от них тоже не осталось и следа⁴. Этот скорбный перечень легко было бы продолжить.

Когда перед юбилеем 1923 года журналист Михаил Сокольников посетил усадьбу Щельково, он стал расспрашивать Н. Н. Любимова, сопровождавшего его в прогулке по парку, уцелели ли письма Островского, фотографии. «Письма? — отвечал Любимов. — Писем-то было много,

да валялись они без внимания и, конечно, тоже погибли. На чердаке остался один мусор, вот у меня еще есть немного, это к моему отцу (он управлял усадьбой до меня)... Вот тоже лежали пачки и у работника, во флигеле; недавно кто-то приезжал из Кинешмы, спрашивал их у него, — тот ответил: “Было, — говорит, — правда много, да сожгли на самовары. Пораньше бы немного...”»⁵.

Серьезное изучение биографии, соби́рание и издание неизвестных текстов Островского развернулось, в сущности, лишь с 20-х годов XX века, уже при Советской власти. Многие были сделаны такими учеными, как Н. П. Кашин, Н. Н. Долгов, В. А. Филиппов, С. К. Шамбинаго, А. И. Ревякин, Л. М. Лотман, Е. Г. Холодов, и другими. Однако в биографии Островского до сих пор немало белых пятен, загадок, неясностей, сомнительных дат, предположительных построений.

Лишь в 1973 году разыскана записная книжка Островского 1854 года, лишь в 1976-м — дневник его поездки на юг с актером Мартыновым, только в 1979-м — дневник путешествия во Францию и Англию⁶.

Любая биография — реконструкция погасшей жизни. Приходится соединять мостками воображения сохранившиеся свидетельства, уцелевшие факты, перепрыгивать догадкой через неизвестное. Запретно лишь выдавать гипотезу за несомненность.

В этой книге нет вымысла даже в мимолетных бытовых и исторических подробностях. Указания на основные источники любознательный или недоверчивый читатель найдет в примечаниях в конце книги. Но в случае нужды я мог бы едва ли не любую строку подтвердить отсылкой к мемуарам, публикациям, документам, исследованиям.

Считаю долгом уведомить, что, делая поправки и уточнения во втором издании, я воспользовался советами и замечаниями Н. В. Баранской, В. Н. Бочкова, Е. И. Гольденвейзер, Э. Л. Ефременко, В. В. Жданова, В. А. Каверина, М. И. Перпер, В. С. Попова, Е. Г. Холодова, И. Г. Ямпольского, к которым испытываю искреннюю благодарность.

Прямое дело биографа — понять связь событий и дат, великого и малого, литературного и человеческого в крупной судьбе. И тогда за ворохом фактов и пеленой гипотез встанет перед нами не иконописный лик — живое, умное, лукавое, страдающее лицо драматурга.

В костромской усадьбе Островского — Щелькове — вас непременно поведут в Ярилину долину, к ключу, где,

по местному преданию, растаяла Снегурочка. В полукружье кудрявых кустов и молодых деревьев, лишь на два венца подымаясь над землей, уходит вниз бревенчатый сруб шестигранного неглубокого колодца. Вода в нем небесно-голубая даже в пасмурный день, при солнце же — будто подкрашенная яркой синькой. До дна тут, кажется, достанешь рукой — каждый камешек, каждый прутик различим на песчаном донце, и видно, как выбивает в темном песке упругий жгутик ключа. Но попробуйте вымерить глубь колодца — двухметровая жердь уйдет вниз и не найдет дна.

Таков и Островский — и в своих пьесах, и в личной судьбе. Его прозрачная, незамутненная ясность обманлива. Его простота кажется всем доступной и малоглубокой, но стоит прикоснуться к ней, чтобы увидеть, как трудно вымерить или исчерпать ее...

Предупреждения окончены: третий звонок. Подыдем же занавес над судьбой драматурга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«Я ЗНАЮ ТЕБЯ, ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ»

Островский родился...

Итак, Александр Николаевич Островский родился в Москве 31 марта 1823 года, в доме диакона церкви Покрова, что в Голиках.

Пушкин в ту пору был в южной ссылке и только по ранним воспоминаниям детства представлял себе далекую

...мирную Москву,
Где наслаждениям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами.

Островскому было два года, когда на Сенатской площади в Петербурге потерпело поражение восстание декабристов, а год спустя возок с фельдъегерем мчал Пушкина к царю, прибывшему на коронацию в древнюю столицу. Здесь, в Кремлевском дворце, состоялось это знаменитое свидание, пока маленький Островский гулял в высокой траве палисадника при церковном дворе в Замоскворечье.

Островскому было три года, когда в доме Веневитиновых в Кривоколенном переулке Пушкин прочел «Бориса Годунова» своим изумленным и восхищенным слушателям: юному поэту-любомудру Шевыреву, начинающему драматургу, поэту и философу Хомякову, молодому ученому Погодину. Шевыреву было в ту пору двадцать лет, Хомякову — двадцать два года, Погодину — двадцать шесть лет. Погодин задумал тогда издавать «Московский вестник», и Пушкин сделался его усердным сотрудником, хотя и досадовал на коммерческую хватку и скуповатость молодого издателя.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. Н. ОСТРОВСКОГО*

- 1823, 31 марта (12 апреля) — в Москве, в семье чиновника по судебным вопросам Николая Федоровича и его жены Любови Ивановны родился сын Александр, будущий великий драматург.
- 1831 — умерла Любовь Ивановна.
- 1835 — принят в 3-й класс губернской гимназии в Москве.
- 1840 — поступил в Московский университет на юридический факультет.
- 1843, 22 мая — увлеченный театром, покидает университет, не закончив обучения. По протекции отца занимает должность мелкого чиновника в Совестьном суде. Наблюдая за судебными разбирательствами, начинает собирать богатейший материал для будущих пьес.
- 1845 — занимает должность в Коммерческом суде, где продолжает наблюдать за судебными процессами.
- 1847, 9 января — начало литературной деятельности: в «Московском городском листке» изданы наброски к комедии «Несостоятельный должник».
- 14 февраля — на квартире профессора Шевырева с успехом прошло чтение пьесы «Картина семейного счастья».
- Конец года — встреча и сближение с Агафьей Ивановной (фамилия неизвестна), с которой драматург прожил 18 лет.
- 1849 — завершает работу над «Несостоятельным женихом», который был переименован в «Банкрота».
- 1850, 16 марта — в журнале «Москвитянин» опубликована комедия «Свои люди — сочтемся!». К Островскому приходит известность. Но пьеса вскоре была запрещена Николаем I, а начинающий драматург взят под надзор.
- 1853 — постановка в Малом театре комедии «Не в свои сани не садись». Умер Н. Ф. Островский, отец драматурга.
- 1854, 25 января (6 февраля) — премьера в Малом театре комедии «Бедность не порок», имевшей ошеломительный успех.
- 9 сентября — премьера комедии в Александринском театре в Петербурге.
- 3 (15) декабря — премьера в Малом театре пьесы («народной драмы») «Не так живи, как хочется».
- 1856 — начинает сотрудничество с московским журналом «Современник».
- 1856—1857 — принимает участие в литературной экспедиции по российским морям и рекам, организованной Морским ведомством. Впечатления от поездки отразятся в произведении «Доходное место» (1856).
- 1859 — написана драма «Гроза».

* Составлены редакцией.

- 17 (29) ноября* — премьера в Москве в Малом театре.
2 декабря — первая постановка в Петербурге в Александринском театре.
- 1865* — принят устав и открыт Артистический кружок, писатель избран старшиной кружка.
- 1867* — умерла Агафья Ивановна, невенчанная жена драматурга.
- 1869* — брак с Марией Васильевной Бахметьевой.
- 1861—1886* — за это время Островским написано множество комедий и драм, в том числе «Поздняя любовь», «Лес», «Женитьба Белугина», «Бесприданница», «Тяжелые дни», «Таланты и поклонники», «Не все коту масленица» и другие.
- 1870* — содействует в создании и учреждении Собрания русских драматических писателей. Через четыре года драматург будет единогласно избран его председателем.
- 1882* — отмечает 35-летие литературной деятельности.
- 1885* — назначен главой императорской сцены в Москве.
- 1886* — внезапная кончина великого драматурга в Щелькове от приступа стенокардии. Похоронен в этой же местности на церковном кладбище.

СОДЕРЖАНИЕ

Перед занавесом	5
<i>Часть первая. «Я знаю тебя, Замоскворечье»</i>	11
Островский родился	11
В гимназии и дома	28
Университет	41
На галерке	55
В суде	65
Кофейня Печкина	73
Начало	81
Годы молодые	95
«Наш русский “Тартюф”»	105
Гоголь слушает «Банкрота»... ..	120
<i>Часть вторая. Дорога на сцену</i>	133
«Напрасно печатано...»	133
Странный журнал	143
Кружок Островского	158
Неистовый Аполлон	170
«Молодая редакция» и «старец Михаил»	184
В салоне Ростопчиной	200
Рисунок в рукописи	214
Наследник Гоголя?	224
Путь на сцену	238
«Всех! Всех!»	254
Петербург	266
Испытание клеветой	274
За кулисами	286
«Рашель и правда»	298
Далеко от войны	313
<i>Часть третья. В полдень</i>	326
На пороге перемен	326
Групповая фотография	336
К истокам Волги	347
С гостями и за работой	359
«Будешь помнить здание у Цепного моста...»	371
«“Гроза” гремит в Москве...»	380
Похвальное слово критике	396
Мартынов и Александринка	409
На берегах Яузы и Темзы	423
Человек гонимый	447

<i>Часть четвертая. Рыцарь театра</i>	465
На омуте	465
«Отечественные записки»	478
Костромская Швейцария	499
Успех и удача	514
В новом доме	529
Безвременье и безлюдье.	546
Путь в Эльдorado	561
Последний акт.	575
Основные даты жизни и творчества А. Н. Островского.	589
Примечания.	591